

Философия сказа и проблема переустройства человеком себя¹

Тищенко П. Д.,
доктор философских наук,
главный научный сотрудник Института философии РАН,
p.tishchenko@list.ru

Аннотация: Обсуждается проблема: как возможно мыслить переустройство человеком себя, своей общественной и телесной жизни? В основании проблемы присутствует парадокс, сформулированный Ж. Делёзом: необходимость мысли мыслить в себе и предмете своего размышления становление в бытии и бытие в становлении. Статья делает акцент на второй части парадокса, обсуждая возможности мыслить устойчивость и порядок в перманентно становящемся иным мире. Первая часть парадокса обсуждается сотематически. В качестве причины, провоцирующей желание переустройства человека и человеческих сообществ, рассматривается несовпадение между наличным и должным состоянием, которое представляет собой исторически специфическую конструкцию нормативного состояния. Происходит своеобразное внушение боли (страдания). Состояние внушённого культурой ожога.

Возобновляющиеся в каждом новом поколении проекты переустройства жизни интерпретируются как попытки бегства из парадоксальной ситуации мига (мира) сознания в догматически мыслимые фантомные конструкции светлого будущего или золотого века прошлого. Отмечается роль сократической майевтики в формировании метафизической позитивной установки сознания, вытесняющей в бессознательное смыслопорождающую энергию вопрошания. Обсуждается роль игры вопрошания как дологического выбора пути субстанциальной логики или логики процессуальной (С-логики или П-логики по А. В. Смирнову).

Мышление как смыслопорождающая игра живёт в сказе, опосредующем смысловой обмен между рассказыванием и показыванием, между ухом и глазом, между временными и пространственными формами репрезентаций. Интонирующим медиумом смыслопорождающего обмена выступает жизнь, воплощённая в человеческой плоти.

¹ Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда.

Ключевые слова: переустройство жизни, сказ, власть, тело, глаз, ухо, субстанциальная логика, процессуальная логика, рассказывание, показывание, интонирование.

*Как мир меняется! И как я сам меняюсь!
Лишь именем одним я называюсь,
На самом деле то, что именуют мной, —
Не я один. Нас много. Я — живой.
Чтоб кровь моя остынуть не успела,
Я умирал не раз. О, сколько мертвых тел
Я отделил от собственного тела!*

Н. Заболоцкий. Метаморфозы

*Все формы похожи, и ни одна не одинакова с другой.
И весь хор их указывает на тайный замысел.*

И. В. Гёте. Метаморфозы растений

Странное желание преследует новоевропейского человека, вызывая у наших античных коллег, созерцающих в иных мирах вечную гармонию небесных сфер, гомерический хохот: остановить поток жизни, разложить остатки становления на элементы и создать из них новое, вечно существующее и истинное индивидуальное и (или) общественное существо. И здесь неважно, мыслится ли вечно существующее (идентичное), лишённое изменчивости, по моделям бывшего «золотого века» или грядущего «светлого будущего». Из поколения в поколение возобновляется повтор *желания переустроить (построить заново) себя* на основе истинного знания или исконной правды, которые в становящемся мире обнаруживают вечные метафизические, физические, исторические, политэкономические, моральные и (или) иные законы (скрепы). Знание законов и (или) причастность высшим началам даруют *власть*.

Вдохновлённый этим неутолимим желанием, человек постоянно пытается принять позу творца мира, причём с весьма существенным отличием от Творца библейского. Бог Библии, сотворив землю, самого человека по своему образу и подобию и всё вокруг, видит, что «это (сотворённое) *хорошо*». В отличие от него современный (ноевропейский) человек застаёт свой индивидуальный и социальный мир, сотворённый его предшественниками и в завершении жизни им самим, в беспорядке. Всё, что в своём присутствии обнаруживает человек, устроено *плохо*. Тело

бренно, несовершенно, подвержено страданиям (болезням). Общество погрязло в несправедливости и насилии (войнах). Всё *устроено* плохо и нуждается в *переустройстве*.

Конечно же, каждое новое поколение входит в жизнь, до краёв наполненную позитивными образами и нарративами. Мир как бы хочет сказать вновь в него входящим, что «это хорошо». Детские сказки милы, родители добры, наставники строги, но справедливы. Власть всеведуща, всемогуща и всеблага. И даже если что-либо пойдёт поначалу не так, то найдётся старушка, которая и накормит, и согреет «сироту». Мир в согревшемся сознании сироты узнает себя как в зеркале и произнесет: «Это хорошо!»

Почему же столь мощно рефреном звучит в душах миллионов обычных людей и особенно писателей «первого ряда» эпиграф радищевского «Путешествия»: «Чудище обло, озорно, огромно, стозевно и лайл»? Кто в этой пугачёвщине виноват? Принято пенять на «иностранцев в пенсне», которые мутят воду в наших чистых патриарших прудах сознания². Но я, вступив в противоречие с народной мудростью, попеняю на зеркало позитивного самосознания, но не в смысле осуждения, а в смысле необходимости дать отчёт в ряде важных обстоятельств, происходящих при его появлении в жизни. Действительно, взглянув в это зеркало, сравнивая своё наличное с должным, я обнаружу не лицо, а «рожу», которая действительно «крива». Суждение о кривизне возможно лишь из предположения чего-то прямого. Зло не осудить, если не предполагать блага. Устремлённый к благу, к должному (недостижимому), человек как барон Мюнхгаузен пытается вытащить себя за волосы из болота недолжного существования.

Понять этот поворот мысли поможет история медицины современного типа, которая неслучайно начиналась со вскрытия трупов и создания атласов нормальной анатомии человека [Тищенко П. Д., 2001a]. Для того чтобы описать многообразие патологических «отклонений», необходимо было создать стандарт здоровья как нормы и инсталлировать его в сознание врачей и пациентов, связав с болью и немощью. Такого рода инсталлирование напоминает внушённый в состоянии гипноза ожог [Шерток Л., 1982]. В гипнотическом состоянии к телу пациента прикладывают предмет (например, монету) комнатной температуры и внушают — монета раскалена! Если б наш мир был физическим (т.е. физика репрезентировала его *бытие* единственно истинным образом), то не обладающее физической силой внушение не смогло бы произвести никакого физиологического эффекта. Однако, опровергая наши физикалистские онтологические предрассудки, на теле испытуемого через соответствующее время возникает круглый ожог, воспроизводящий форму монеты. Нормативная визуальная или повествовательная репрезентация *нормы* внушает человеку переживание ненормальности. Подчеркну, человеческое страдание нуждается в инсталлированном в сознание *различии* нормального и патологического.

² Метафора «пруд сознания» здесь неслучайна. Запруда решает важную философскую проблему («удивительную задачу» по А. В. Смирнову). Она *приостанавливает поток становления* — ручья, заставляя его работать в интересах человека. Об этом речь подробнее пойдёт ниже.

В раннем возрасте дети с тяжелейшими пороками развития (как и их сверстники) не осознают своего (а сверстники их) «уродства». Спокойно и весело играют друг с другом. Стрдание приходит к ним извне, инсталлируется другими [Тищенко П. Д., 20016]. Но то же самое происходит и с иными переживаниями своего ненормального состояния. Умирание — естественное состояние человека. До второй половины XIX века у постели умирающего стоял не врач, а священник. Врачи играли вспомогательную роль (например, давали обезболивающее средство). Никто не помышлял о «борьбе со смертью до конца», не использовал реанимационные мероприятия. То же — старость. Это сегодня гериатрия борется с ней как с патологическим процессом, указывая на *различие* увядающего тела и стандарта, сконструированного в художественном воображении мастеров эпохи Возрождения, а затем массово тиражированных в атласах *нормальной* анатомии. Достаточно обратить внимание на историю возникновения цифровой инсталляции «Витрувианского человека», созданного по матрице пифагорейских пропорций. Да и роды раньше не входили в заботу медиков. Когда сегодня политики пытаются запретить женщинам делать аборты и заставить их рожать больше детей, то не следует забывать о том, что роды уже давно локализованы в домене медицинской помощи, т. е. рассматриваются как *отклонение от нормы и угроза* для жизни женщин. В атласах нормальной анатомии нет изображения тел беременных женщин.

Стрдание в оптике медицинского взгляда возникает как *внушённый ожог*³ вместе с осознанием своей ненормальности. Иная культура иначе распознаёт смыслы страданий — достаточно вспомнить «Мольбу к Богу об обращении во благо болезней» Б. Паскаля. Болезнь посылается человеку Богом с тем, чтоб тот смог исправить себя (не поломку организма), а себя как христианина. Болезнь — не патологическое отклонение в результате внешних воздействий, а грех. В суете жизни человек не различает себя. Болезнь позволяет различить в себе больное и здоровое. Критично оценить свою жизнь, встать на путь спасения, *переустройства* своей жизни. И здесь неважно, от чего придется спасать себя — от преследующих грехов, сглаза или вездесущих патогенных факторов. Внушённый ожог различия между сущим и должным создаёт *просвет настоящего*, в котором для человека становятся различимы угрозы (как причины они в *прошлом*) и надежды на исцеление (спасение) в будущем. Боль подтверждает *реальность присутствия* человека, его состояние бодрствования — ущипни меня! Но именно она оказывается не физическим, а сложным, ускользающим от рационального схватывания психосоматическим феноменом, феноменом культуры [Ветлесен А. Ю., 2010]. Её практически невозможно измерить физическими методами.

Боль играла важнейшую роль в переустройстве и просветлении «себя» в технологиях сталинских репрессий, неразрывно связанных с пыточными камерами. В дневниках А. Афиногенова, подвергшегося яростной партийной критике «за разложение», участие в шпионских организациях, заговорах с целью свержения

³ О. Павел Флоренский использовал метафору ожога для пояснения идеи «Страх Божий», которая освещает путь спасения [Флоренский П. А., 1918].

советской власти и прочих антинародных преступлениях, мы находим парадоксальное свидетельство, без которого нельзя понять *творческий* смысл массовых репрессий, их роль в создании нового советского человека. Афиногенов уверен в своей невиновности, но готов пройти чистилище репрессий, вынести *пытки, несправедливое* осуждение за несовершенные преступления и наказание, ожидая, что по возвращении на свободу для него начнется новый, значительно более плодотворный этап драматургического творчества. Его партийная совесть переживает просветление. Он как отдельное лицо не понимает, за что наказан, но беспрекословно подчиняясь решению Сталина, совершает своеобразную феноменологическую редукцию — заключает в скобки всё *частное и личное*, расчищая тем самым в своём сознании место для неколебимой *веры* в *коллективный* разум Партии, воплощенный в разуме Вождя. Буквально по Тертуллиану: *верую, ибо абсурдно*. И эта вера просветляет его жизнь, устанавливает в неё компас, указывающий путь *переустройства* жизни из прошлого, через чистилище *настоящего* в светлое будущее [Венявкин И]. Неслучайно у этого коммуниста на столе лежала Библия.

Таким образом, восприятие несовершенства мира, его не-хорошость возникает в сознании человека только тогда, когда в него (сознание) устанавливается культурой нормативное различие сущего и должного. Принципиально важна подобного рода инсталляция в ситуации военных действий. Воевать невозможно без различения своих (людей) и врагов (зверей). Как только воин видит перед собой не человека, а зверя, то запрет «Не убий!» не останавливает его руку. Поэтому чем более острая экзистенциальная ситуация захватывает людей, тем жёстче и проще должно быть нормативное самоописание — тем отчетливее должно быть различимо в *устройстве* жизни несовпадение сущего и должного. Из переживания этого несовпадения и возникают два упомянутых выше вектора действия, два конфликтующих проекта *переустройства* жизни — устремления в *светлое будущее* или возвращения в *золотой век* прошлого.

И тех и других *страшит* таящаяся в жизни стихия становления. Идея времени пытается одомашнить эту стихию, заключив *ускользающий миг* настоящего в бытийные границы было и будет. Мы *живём* не вчера и не завтра, а *сейчас*. Мы приходим в сознание не вчера и не завтра, а *сейчас*. Мы наслаждаемся и страдаем не вчера и не завтра, а *сейчас* — в *настоящем*. И боль, возникшая вчера, болит лишь постольку, поскольку она в этом *сейчас* вновь и вновь переживается. Но как что-либо может уместиться в настоящем, которого уже нет и еще нет, которое уже не здесь и еще не там в геометрическом представлении временения. Апории Зенона об этом постоянно напоминают. Казалось бы, бытию безраздельно принадлежит прошлое, освободившееся в своих расхожих исторических репрезентациях от парадоксов настоящего (мига), забывшее о них как о травме, — но и оно (прошлое событие) когда-то присутствовало в *точке* мига. Какое бы событие мы ни старались *представить*, разместить во времени — *здесь и сейчас* происходящее или происходившее *там и тогда*, — в самой сердцевине его (*центре*) необходимо мыслить присутствие мига. По-настоящему *всё* было, есть и будет в точке мига, превращающейся за счёт замены одной буквы из *мига* в целый *мир*. Мне кажется, что именно в этом смысле возможно

мыслить идею Н. Кузанского о совпадении абсолютного минимума и абсолютного максимума [Кузанский Н., 1979]. И именно из этой парадоксальной ситуации (точки) *настоящего* совершались, совершаются и будут совершаться и наши припоминания, и наши ожидания, и наши действия. Свет *сознания*, позволяющий различать вещи и то, о чём они вещают, перманентно свершается в нас и через нас в этом миге настоящего. Он (этот свет) изначально зачинает и начальствует в речи, различающей бытие, становление и их познание. Но это сознание не сознание точечного «я» субъекта, противопоставленное миру как объекту, а сама *жизнь*. Как точно высказано в песне: «Призрачно всё в этом мире бушующем, / Есть только *миг*, за него и держись! / Есть только *миг* между прошлым и будущим, / И этот миг называется *жизнь*»⁴.

В нацистских концлагерях пытались подавить сознание заключённых и сломить их волю к сопротивлению, уничтожая *личное время* в машинерии тяжелейшего труда и повторения бессмысленных команд типа «встать/сесть». Поэтому основной формой сопротивления выступало упорное удержание мига времени как своего. Этот миг мог быть бесконечно малым, но если между командой и её выполнением удавалось выкроить миг времени, затормозить рефлекторный двигательный ответ, осознать бесконечно малую паузу как свою, то машина власти ломалась. Сохранялся миг тайной свободы человека.

Реакционеры, как и революционеры, недовольны *жизнью*. Они указывают пальцем на *настоящее*, обнаруживая в нём кризис, хаос, борьбу противоречий. Одни при этом считают, что раньше *было* хорошо устроено, но испорчено внешними влияниями — сплошной *разврат*. Другие полагают, что и без внешних влияний это устройство *отвратительно*. Необходимо не восстановить старый *порядок*, но установить свой новый. Но и те и другие полагают, что в существе человека присутствует нечто тождественное себе — *идентичное*, схватываемое мыслью в герменевтических *круговращениях* понимания. Оно (идентичное) ясно просвечивает в *припоминаемом прошлом*. И не менее ясно в *предпонимаемом будущем*. И только в *миге настоящего*, где властвует стихия *жизни* (становления), идентичность *расплывается*, становится неравна (нетождественна) себе, подвергается *насилию*⁵, погружается в ужасающий *кризис*⁶ — перманентно вершащийся суд *истории* над конечными

⁴ Песня А. Зацепина на слова Л. Дербенёва в исполнении О. Анофриева из кинофильма «Земля Санникова». URL: https://www.youtube.com/watch?v=4rpgU3_rycE (дата обращения: 12.09.2022).

⁵ Вспомним школьный учебник физики — *сила* обнаруживает себя в событии *изменения* состояния (идентичности) инерционно движущегося или покоящегося тела. Она всегда действует *извне*.

⁶ Жизнь, перманентно меняющая человека и окружающий его мир, столь же перманентно продуцирует *кризис* как состояние несоответствия используемых карт представленной на них территории. В теоретической форме он репрезентируется проблемами, в жизненно-практической — различными формами страдания, в том числе болезненными переживаниями несправедливости происходящего. Поэтому кризис воспринимается негативно. Возникает пугливое желание его преодолеть. Однако задача любого жизнеспособного общества не в том, чтобы защищаться от кризиса (как если бы он был внешней угрозой), а в том, чтобы различить его в собственном основании. Его (кризиса) задача не разрушать, а работать как огонь в камере сгорания автомобиля, обеспечивая энергией жизни созидательное развитие. Поэтому переходный характер социальных изменений, симптомом которых является кризис, полезно трактовать не как временную черту некоторого исторического момента нестабильности между припоминаемым стабильным существованием в прошлом и желанным стабильным состоянием в будущем, а как существенную черту самого настоящего. Тем самым кризис имманентизируется, ставя

индивидами и их сообществами. Прочь! — из этого ужаса становящегося мига — назад в прошлое или вперёд — в будущее. Знаменитая строчка В. Маяковского: «Клячу *истории* загоним» (курсив мой. — П. Т.) могла бы принадлежать не только левому *маршу*, но и правому.

Для переустройства и тем и другим необходимо разрушить несовершенный развратно-отвратительный мир насилия до основания (т. е. проявить еще большее насилие — внести свой импульс в *становление* иным), а затем создать его заново по своему усмотрению собственным решением и разумом. При этом начинать придется с начала — с мысли. С её очищения в борьбе с инакомыслием, в которой обе стороны поднаторели. В этой борьбе мысль обнаруживает источник испорченности не в себе, а вне себя. Критическое самосознание начинается с сомнения. Революционное и контрреволюционное самосознание начинает с противоположного действия — с заключения *сомнения*, причастного мигу истории, в скобки, *внушения* себе и другим *очевидности* определённого (позитивного) понимания *различия* между должным и сущим. Живое *сознание* отождествляется со своей убитой репрезентацией нормативно оформленного *самосознания*. Поэтому перед этими типами самосознания стоит общая задача — необходимо освободиться от идущих *извне* угроз типа «западное влияние» (для славянофилов) или «азиатчины» для революционеров (западников). Только в этом случае удастся утвердить очищенное от примесей своё собственное сознание в качестве позитивного (упорядоченного) основания в центре мироздания, являющегося его (очищенного от сомнений самосознания) собственным *проектом* восстановления разрушенных скреп или перехода из тьмы в светлое будущее. Только в этом случае удастся принять человеку позу и занять позицию Творца нового или возрождения старого.

Сфокусировав своё сознание в точку начала, освободившись от внешних детерминаций или пережитков (не стеснённый никакими пределами), человек переживает невероятное *могущество* (он мастер!), чувствует себя способным переустроить плохо устроенный мир. Трубный глас суда над результатами *дел* предшествующих поколений не смолкает. Сущее отправляется под нож должного, объявляясь плохим, плохо *устроенным*, требующим *переустройства*. Сама же попытка реализации *смутно* понимаемого, но *ясно* предчувствуемого каждым новым поколением *своего* (им вот сейчас открытого) идеального (разумного) порядка с неизбежностью оказывается лишь очередным сезоном трагикомичной *обыкновенной истории* (И. А. Гончаров).

В этой ситуации основным *provocatorem* (драйвером) желания переустройства выступает порождающая новые и новые поколения жизнь — *натальность* в

задачу осмысления возможности обеспечения *стабильности развития в стихии изменений*. В этой ситуации хорошая метафора может быть заимствована из области теоретической биологии.

В отличие от расхожей идеи *гомеостата* (хорошо представляющей технические устройства типа холодильника, мавзолея или состояния живого, которое более или менее точно можно описать механически), в теоретической биологии существует идея *гомеоре́за* (К. Х. Уоддингтон). Гомеорез — это способность живого обеспечивать устойчивость в потоке становления от зарождения до смерти, воспроизводя программу индивидуального развития, но каждым шагом воспроизведения меняя её соответственно особенностям экзистенциальной ситуации. Повторяя в логике процесса *то же, но иначе*.

терминологии Х. Арендт [Дуденкова И., 2015]. Но этот же драйвер (жизнь) для того, чтобы расчистить место новым поколениям людей, выталкивает уже порождённые поколения из жизни, превращая их становящееся бытие в бытие-к-смерти (М. Хайдеггер)⁷. Любовь как опыт самовоспроизведения себя в другом удивительным образом связывает две идеи (натальности и бытия-к-смерти) и двух авторов [Мотрошилова Н. В., 2013].

Подчеркну: с каждым новым рождением возникает не просто новый человек, но новый мир, *новое начало* (В. В. Библихин) осмысления себя самого и социальных отношений. Рождается *другой*. Совершается *праздник рождества*. Для этого «новорождённого» *другого* мир раскрывается как текст, полученный от родителей. Родители не просто воспроизвели физически этого человека, но и должны воспроизвести его как представителя конкретного исторического сообщества. Они пытаются ретранслировать ему осмысленные ими самими культурные смыслы. Для родителей в этих передаваемых «новорождённому» (другому) произведениях *живёт* ими (как авторами) добытый смысл. Безжалостность жизни состоит в том, что акт передачи воплощённого в произведении смысла *другому* оборачивается его (смысла и авторства) ритуальным убийством (автор должен умереть). Произведение превращается в текст, требующий от этого *другого собственных усилий смыслопорождения и соавторства*. Происходит, выражаясь языком Н. В. Тимофеева-Ресовского, конвариантная редупликация жизни. Жизненный смысл воспроизводится как *тот же, но иначе*, с ошибкой, если считать истинным прошлое значение, или инновационно, если считать таковым будущее. Но и новым поколением добытый в тяжких усилиях новый смысл, живущий в его (этого поколения) произведениях, иначе как посредством ритуализированного умерщвления (стирания смысла) — превращения в текст не может быть передан другим, приходящим на смену. Осмысление ретранслируется другому только через переосмысление (переустройство) смысла этим другим, т. е. всегда с непредусмотренным автором изменением. Избави нас бог от учеников, твердили и твердят поколения учителей, мечтающих о том, чтобы передать свой уникальный смысл без изменений как эстафету другим и трагически осознающих в речах этих других — «не то!». Акт передачи смысла оборачивается убийством и переосмыслением другим. Гильотиной смысла и чаном с живой водой в современной культуре выступает публикация [Тищенко П. Д., 2011].

Стихию постоянно *становящейся* иной жизни не удаётся в своей целостности вправить в гармоничное устройство разумом устроенного или переустроенного *бытия*. Возомнивший по молодости себя богом становится к старости жертвой своей человеческой немощи, таким же, как и предшественники (и отметим с уверенностью наперёд — потомки), — лузером. Его деятельное бытие превращается в мёртвую структуру текста, требуя осмысления заново, которое осуществляется как переосмысление. Осмысление с ошибкой, отклонением. *То же самое, но иначе*. Второй раз не удаётся войти в одну реку желания, но в череде рождений и смертей смыслов и

⁷ О кочующих из культуры в культуру ритуалах *путешествия* в мир смерти (бытия-к-смерти) для познания истины и обретения *власти инициации* событий см. Тищенко П. Д. [Тищенко П. Д., 2001в].

авторов эта река *рефреном* сама пробивает себе русло. *Поэтому желания устройства и переустройства человеком себя как индивида и общества не результат влияния каких-либо внешних сил или пережитков, но проявление его трагической судьбы.* Он просто иначе сбыться не может. Поток становления прокладывает себе путь в мириадах *повторов* — уникальных рождений, попыток самовоспроизведения себя в другом и смерти. Структура, включающая рождение, попытку самовоспроизведения и смерть, образует целостное *событие жизни*.

Как возможно переустроить жизнь? Переустройство как *действие* в моём понимании включает три варианта: целенаправленные *изменения*, *контроль* над происходящим и *конструирование* общественных структур нового мира и, соответственно, нового человека.

Но *агентами (действующими лицами) переустройства* индивиды или классы могут стать, лишь выражая *необходимость* исторического процесса, т. е. стихии и энергии жизни — человеческой и (или) природной. Целесообразное изменение предполагает, во-первых, необходимость причинной связи действия и результата. Во-вторых, трудно понимаемую натуралистическим сознанием *хитрость разума* (Г. В. Ф. Гегель) — возможность *инициировать* цепочки необходимо связанных событий в любое время и в любом месте (в этом смысл объективности и универсальности знаний) по своему усмотрению. К примеру, даже эксперименты, демонстрирующие *необратимость* времени, лишь потому производят научные факты, что *воспроизводимы* в любое время и в любом месте. Они способны возвращать время к началу для достоверной демонстрации эффекта его необратимости (стрелы времени).

Не менее парадоксальна идея *контроля* в её применении к жизни. Мысль принимает в расчет изменения, трактуя их как *отклонения* от предположенного *центра* идентичности (равновесия). Контроль призван восстановить равновесие. Но сам центр равновесия в потоке жизни плывёт — он, к примеру, один у эмбриона и другой у взрослого человека, и совсем уж другой у стареющего человека, центр равновесия которого быстро смещается в сторону трупного состояния. Развивающийся организм не может *восстанавливать* состояние равновесия, зафиксированное в какой-то момент времени. Равновесие *имманентно отклонено* от «должного» состояния, которое ещё следует достичь. Центр равновесия не дан, а загадан. К примеру, центр эмбриона локализован в новорождённом, центр новорождённого — в ребёнке, центр ребёнка — во взрослом молодом организме, центр молодого — в старике, а старика — в трупе.

Преодолеть трагическую необходимость жизни, схватываемую мыслью в идее контроля, позволяет идея *конструирования*. Для конструирования необходимо остановить становящуюся иной жизнь индивида или общественных образований. Разобрать (разрушить) ставшее до основания на части и из этих частей провести «обратную сборку» организма, но уже с новыми желанными качествами. В частности, превратить человека в бессмертный аватар. Вопрос только в том, что разобрать на части можно только прервав жизнь, убив. К примеру, Виктор Франкенштейн собирал части для конструирования своего монстра в моргах и на скотобойнях. Также совершенно неслучайно, что современные трансгуманисты мечтают не о

биологическом, а о кибернетическом бессмертии. С жизнью связываться опасно. Вечная «жизнь» на флешке или в виде оцифрованного аватара видится им более комфортной и защищённой. Пока это лишь фантазии, хотя и не очень безобидные [Тищенко П. Д., 2014].

Жизнь нельзя игнорировать в качестве активного участника событий индивидуальных и социальных преобразований. Но остаётся вопрос: как возможно её (жизнь) мыслить в качестве третьего агента рядом с легко опознаваемыми новоевропейским мышлением индивидуальными и коллективными человеческими агентами, у нас чаще именуемыми субъектами? Мы говорим о том, что некое сущее выступает в качестве агента в том случае, если приписываем ему способность инициировать события в окружающем мире и осуществлять в их разворачивании свою особую цель. В каком смысле *жизнь* может быть интерпретирована в качестве такого рода агента? И всегда ли этот агент действует сообща с индивидуальными и коллективными социальными агентами?

Думается, что ответ лежит на поверхности. Он столь близок каждому человеку, что практически не замечается им. Лицом к лицу лица не увидать. Тем более если оно (лицо) твоё собственное. Необходимо *остраннить* ситуацию (в смысле Б. Шкловского), рассмотреть себя как *другого* в зеркале бытовой, научной или философской рефлексии.

В привычной каждодневности достаточно разложить на столе свои фотографии от младенческих до старческих лет и задать вопрос: кто это всё сделал? Что за могучий агент вершит и будет вершить своё обыденное дело, пока вот это существо, представленное в череде отживших тел на фотографиях (скосим взгляд на эпитафию), исчезнет в лоне земли? Приписать агентность в этом процессе порождения и скопления к смерти себе как разумному существу или обществу как историческому агенту невозможно. Здесь действующее лицо — сама жизнь, а исполнитель — живое человеческое существо, вовлечённое в событие этой жизни. Она себя как целостное *событие рождения, самовоспроизведения и смерти* предъявляет в потоке поначалу желанных (в молодости), а к старости столь неприятно пугающих своей неизбежностью телесных *переустройств*⁸.

Именно с этим *агентом* затевают борьбу как революционеры, так и контрреволюционеры, а также современные энтузиасты биотехнологических

⁸ Эту жизнь можно присвоить в своём моральном самосознании. Поставить, как предлагал В. С. Библер, на гамлетовскую грань «быть или не быть», и, согласившись продолжить *быть*, взять на себя тем самым ответственность не только за всё то, что происходит как результат твоего *действия* или *бездействия*, но и за всё то, что через тебя или при твоём молчаливом соучастии происходит. Правда, возникающая ответственность за всё, в которое инкорпорируется жизнь, остаётся неосмысленной. В оптике современного самосознания она (жизнь) выпадает из рассмотрения (осознания) живого сознания, оставляя в этом сознании аватар одинокого автономного субъекта.

переустройств⁹. Человек с неизбежностью ввязывается в борьбу с жизнью как суверенным агентом переустройств по той простой причине, что событие жизни завершается для него плачевно — он погибает. Но на что он в этой борьбе рассчитывает? И можно ли различить в жизни не врага, а партнёра, с которым мыслящий совместно промысливает происходящее, соучаствуя в ней, покоряя её и отдавая себя ей, экологически заботясь о её самоосуществлении не меньше, чем о собственной автономии? Для ответа придётся обратиться к началам.

Как приостановить становление? Перед нами фундаментальная философская проблема: «[М]ир постоянно меняется, он всегда в движении, и мы никогда не застаём его точно таким же, каким знали вчера или мгновение назад. Чтобы *ориентироваться* в меняющемся мире, чтобы уметь *предсказывать* его поведение, мы должны уметь останавливать эту его постоянную подвижность, каким-то образом останавливать мир. Останавливать не до конца, не насовсем — не так, как остановлено парменидовское бытие, где любое изменение оказывается мнимым. Нет, его надо останавливать так, чтобы сохранить при этом *возможность изменения* — но такого изменения, которое оставит мир *тем же самым*, представив его *иначе*, изменившимся. Это — удивительная задача, и не менее удивительно решение, которое найдено нашим сознанием; решение, которое и сделало человека — человеком» (курсив мой. — П. Т.) [Смирнов А. В., Солондаев В. К., 2019, с. 21].

Мир постоянно меняется, становится другим сам по себе. Чтобы он изменился, его не надо менять. Он сам всегда уже погружён в поток становления. Но тогда в каком смысле мы можем что-то сделать с потоком становления? Нам не нравится эта жизнь, мы переживаем чувство несправедливости общественного устройства или страдаем как индивидуальные телесные существа. Как можно *переустроить* поток индивидуальной или коллективной жизни, чтобы победить (смягчить) несправедливость или избавиться от страданий, если предмет переустройства находится в постоянном становлении другим? Соглашусь с А. В. Смирновым — чтобы что-то сделать, необходимо *приостановить* (остановить, но не полностью) *становление*.

Например, для того чтобы подействовать на эмбрион, который находится в потоке клеточных делений, необходимо его приостановить — заморозить или поместить в специальный раствор, предотвращающий деления. В этом состоянии между жизнью и смертью на него можно подействовать. Затем из этого пограничного состояния эмбрион возможно вывести — продолжить его жизнь (деления), но уже в изменённом нашим воздействием (например, отредактированном) виде. Возможно и

⁹ Некоторые философские проблемы человеческого переустройства были ранее обсуждены представителями московской школы биоэтики. Московская школа биоэтики возникла в 80-х годах прошлого века вокруг пионерских работ по изучению социальных и моральных проблем научного (прежде всего — биологического) прогресса И. Т. Фролова. Во второй декаде XXI века её представителями (Б. Г. Юдиным, П. Д. Тищенко и другими) была проведена серия исследований, предметом которых стало изучение биотехнологических проектов улучшения (enhancement) человека, затрагивающих биологические аспекты человеческого существования (прежде всего проблемы кибернетического и молекулярно-биологического бессмертия), переустройства интеллектуальных и моральных человеческих качеств. Особое внимание уделялось логике и биоэтике геномных исследований и манипуляций.

оборвать её, утилизировав в качестве биологических отходов. Этот пример свидетельствует, как решают «удивительную задачу» в эмбриологии. Но как приостановку можно мыслить в некотором обобщённом виде? Для какого сознания этот опыт приостановленного становления возможен?

А. В. Смирнов связывает решение «удивительной задачи» с пониманием сознания как *cogito* (вполне в декартовской традиции), для которого равновозможны по крайней мере два пути: «путь существования» (*cogito ergo sum*), указанный Декартом, и не указанный им «путь действия». Логику первого пути (субстанциальную логику, С-логику или логику тождества) освоила, по мнению Смирнова, европейская культура. Изменение она схватывает в формах, так или иначе связанных с опространственным временем, представляемым как перемещение тождественной себе точки. Сшитые нитью времени изменения — лишь модусы постоянной и тождественной себе субстанции. Второй путь, по мнению автора, проторялся арабской культурой в виде процессуальной логики (П-логики), или логики действия. «[Д]ействие всегда протекает, будучи инициировано кем-то или чем-то и будучи направлено на кого-то или что-то. Это создаёт устойчивость действия, задаёт логическую структуру закономерности ничуть не менее уверенно и убедительно, чем устойчивость сущности, субстанциального бытия. Устойчивость субстанциального бытия, схваченная в сущности вещи, и устойчивость действия, неизменно протекающего между действующим и претерпевающим, — два способа схватить закономерность и устойчивость мира» [Смирнов А. В., Солондаев В. К., 2019, с. 21].

Для мысли оба пути равно открыты. Открыты также пока неопознанные особые пути иных культур (например, китайской). Недетерминированная предпосылками *возможность выбора* одного из них в качестве *истинного* определяет тайную (поскольку она предшествует выбору логики рассуждения) свободу человека. Сохранение этой свободы защищает от расчеловечивания человеческого мира в стремительно разрастающихся сетях цифровой цивилизации.

Уточнение. П-логика как европейский феномен

Соглашаясь с общей постановкой проблемы и идей различия С- и П-логики, полагаю, что их трактовка как рядоположных и даже разнесённых по различным культурам не вполне корректна. Думается, что обе логики развивались и развиваются в обеих выше названных культурах. Скорее речь идёт об акцентах, или доминантах логического стиля различных культур, приоритетных формах самосознания при том, что в сознании с необходимостью работают обе логики приостановки становления как познания. Дж. Вико, к примеру, строил свою «Новую науку» [Вико Дж., 1940], противопоставляя картезианской логике логику действия, практической мудрости. Для него было достоверно лишь то, что человек сделал сам.

Эти идеи развивает современная *технонаука*, утверждающая, что современное знание — это не отображение ускользающей реальности, а воспроизводимая технологическая схема преобразования (переустройства) того или иного процесса. Б. Г. Юдин называл такого рода схему *установкой* [Юдин Б. Г., 2018; Шевченко С. Ю.,

2018]. При этом слово «установка» можно понимать и как прибор, и как форму жизнедеятельности сознания в смысле Д. Н. Узнадзе. Этот подход укоренён в советской марксистской традиции интерпретации одиннадцатого тезиса «Тезисов Маркса о Фейербахе» (В. С. Библер, А. А. Зиновьев, Э. В. Ильенков, М. Б. Туровский, Г. П. Щедровицкий).

С эпистемологической точки зрения значение П-логики раскрывает агентная концепция причинности (the agency theory of causality) [Buzzony M., 2014], утверждающая, что объективное описание фактов и причинных связей между ними возможно лишь относительно *сконструированных* миров экспериментальной ситуации, что по сути является философским обоснованием представленного технаукой неклассического видения реальности¹⁰. Развивая логику эксперимента, фон Бригт пишет: «[В] обнаружении каузальных связей выявляются два аспекта — активный и пассивный. Активный компонент — это приведение систем в движение путем *продуцирования начальных состояний*. Пассивный компонент состоит в наблюдении за тем, что происходит внутри систем, насколько это возможно без их разрушения. Научный эксперимент, одно из наиболее изоциренных и логически продуманных изобретений человеческого разума, представляет собой систематическое соединение этих двух компонентов» [Бригт Г. Х. фон, 1986, с. 114].

Активный аспект универсально представлен в разделе «материалы и методы» научных статей, задающих *установку* научного исследования в выше намеченном удвоенном смысле. Ни один научный факт не может быть представлен научному сообществу без указания на способ его технологического «продуцирования» [Тищенко П. Д., 2011]. Логика действия (П-логика) в эксперименте *обосновывает* субстанциальную логику (С-логику) «пассивного» созерцательного восприятия реальности. Идентичность, самотождественность становящегося объекта обеспечивает технологизированное действие, воспроизводящее *то же, но иначе*. В специальном разделе научной статьи, озаглавленном обычно «обсуждение», полученные данные, представленные в С-логике научных репрезентаций в разделе «результаты» (эмпирические факты), вписываются в историю ранее осуществленных экспериментов (П-логика).

Упоминание агентной теории причинности полезно в контексте нашего обсуждения тогда, когда, ставя вопрос о переустройстве жизни, конкретные действия обосновываются указанием на определённые закономерности связей причин и следствий. Но эти причины и следствия можно созерцать лишь в мире, определённым образом сконструированном сознанием, использующим свои особые «материалы» и «методы», свою особую инструментальную оптику. Революционные преобразования, осуществлявшиеся, к примеру, большевиками после победы революции, невозможно понять без учета специфической оптики догматизированного российского марксизма.

¹⁰ В отечественной философии науки неклассическая парадигма обычно трактуется натурфилософски. Создающий экспериментальную ситуацию агент погружается в мир, созданный им, экспериментальной ситуации в качестве «включённого наблюдателя». П-логика *действия*, задающего начальные условия существования системы и контролирующего параметры существования мира экспериментальной ситуации, редуцируется к С-логике физических взаимодействий.

Революция не просто создавала новый мир и нового человека. Она этот процесс отслеживала на карте (дисплее), вмонтированной в сознание революционеров. Свет вечной истины освещал мир строителей коммунизма. Чем больше не соответствовала карта территории, тем больше требовалось насилия для того, чтобы «онтологизировать» (привязать к реальности) великие идеи марксизма-ленинизма. Поэтому классовая борьба действительно обострялась по мере приближения к победе социализма, т. е. окончательной победе карты над территорией. Без кровавого насилия представить реальную территорию совместной жизни как её идеализированную карту невозможно.

Погружение в игру как начало. Следующий шаг в поиске ответа на вопрос о том, как возможно приостановить становление, начну с признания в определённом лукавстве. Мы только в том случае можем рассуждать о *становлении*, если включимся в своеобразную игру, структуру которой описал Э. Гуссерль в книге «Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология». «Мы как субъекты актов (Я-субъекты) направлены на тематические объекты в модусах первичной, вторичной, а иногда ещё и сопутствующей направленности. В этом занятии с объектами сами акты остаются нетематическими. Однако мы позднее можем рефлексировать в отношении нас самих и нашей соответствующей активности; она становится теперь тематически предметной в некоторой новой, со своей стороны *опять нетематической, живой функционирующей деятельности*» (курсив мой — П. Т.) [Гуссерль Э., 2005, с. 450].

Принципиально важно, что любой акт обосновывающего предметного представления тематизирует наше рассуждение, направляет внимание размышляющего вопрошания на загаданный предметный смысл. Мы задумались о возможности приостановить становление. Смысл как отгадка не дан. Его ещё следует найти. Но для того чтобы эту основополагающую проблему поставить перед собой как предмет рассуждения (загадать) и попытаться разгадать, мы должны предположить, что смысл используемых в этой *постановке* слов и словосочетаний нам каким-то образом дан и понятен. Он сохраняется *тождественным* себе до тех пор, пока сознание не сместит на любой из его фрагментов фокус внимания и не задаст вопрос: а это что такое? Вспомним Августина: пока меня не спрашивают о смысле времени — знаю. Будучи спрошен — осознаю своё незнание. Но осознать это незнание могу, лишь опираясь на сеть *как если бы* (als ob по Канту) понятных слов и словосочетаний, смысл которых не тематизируется, т. е. в данном случае не выспрашивается. Он всегда может быть выпрошен, тематизирован, но опять же из условно предположенной понятности каких-то других слов и словосочетаний. Получается, что, спрашивая о том, как возможно приостановить становление, мы уже используем особого рода способ приостановки становящегося смысла — технологию условности, *игры*. *Становление* предъявляют слова, условно приостановленные в своём смыслополагании, как если бы понятные. В этой *как если бы* понятности (бытийности) дремлет спокойное и уверенное в себе сознание.

Из дрёмы *бытия* сознание, как уже сказано выше, пробуждают вопросы типа: «Что это такое? Как вы это определяете?» *Бодрствующее* сознание удерживает эти вопросы, понимая условный, игровой статус различия данного и загаданного,

известного и выпрашиваемого. Игра, реализующая себя в вопрошании, сохраняет под кажущейся устойчивостью бытийных определений становящуюся стихию жизни — *живую деятельность языка*. Но с ней неразрывно связано трагическое самосознание брошенности и необеспеченности, онтологической неукоренённости. Поэтому так *желанно погрузиться в сон* самодовольного позитивного, лишённого сомнений, неверно сформулированных вопросов и, тем более, трудных проблем, сознания. Как пророчествовал пару веков назад П. Ж. Беранже (в переводе В. С. Курочкина): «Господа! Если к правде святой / Мир дороги найти не умеет, / Честь безумцу, который навеет / Человечеству сон золотой». Таким «безумцем», по свидетельству Платона (его авторство в диалоге «Алкивиад I», на который сошлусь ниже, не вполне достоверно), оказался Сократ — естественно, не как реальный философ, а как исполнитель отведённой ему автором роли.

Погружение в сон или рождение позитивного сознания из духа майевтики.

Наши рассуждения — это *ответы* на мучащие и тем самым провоцирующие желание сказать *вопросы*. Мы постоянно ищем *ответы* на поставленные *вопросы*, но вопрошающий голос, звучащий как овод в нашем бодрствующем сознании, оказывается плохо различим в речи, обращённой к другому. Таящийся в *игре* условности *ужас* необеспеченности человеческого существования (отзвук страха Божьего в сознании современного человека) подвергается в культуре, наивно полагающей, что «человек создан для счастья, как птица для полёта» (аллюзия Г. В. Короленко к строчке польского перевода библейского текста), вытеснению, забвению. Тревожный голос вопрошания подвергается замалчиванию. Для этого используется трюк платоновской *майевтики*. Обнаруженное в беседе позитивное содержание *приписывается* отвечающему, а не задающему вопросы или самой происшедшей между ними беседе:

«Сократ: Давай же скажи вообще: когда есть вопрос и ответ, кто является лицом утверждающим — спрашивающий или дающий ответ?

Алкивиад: Мне кажется, Сократ, что дающий ответ.

Сократ: Ну а до сих пор во всей нашей беседе спрашивающим был я?

Алкивиад: Да.

Сократ: Ты же мне отвечал?

Алкивиад: Несомненно.

Сократ: Кто же из нас изрёк сказанное?

Алкивиад: Как это очевидно из нашей договорённости — я». [Платон, 1986]

Преформисты Нового времени, которые с помощью несовершенных микроскопов, создающих нечёткое изображение, изучали (визуализировали) сперматозоиды, видели в них маленьких человечков — гомункулов. Чем более нечёткими были изображения, тем с большей уверенностью учёные видели их (гомункулов) и свидетельствовали о них в научных публикациях. Как и в тесте Г. Роршаха, микроскописты видели *своими глазами* именно то, что предполагает видеть инсталлированная культурной традицией в их сознание логика майевтического опыта. Точно так же из воплей человека, подвергающегося пытке,

звучит для позитивного правосудия его голос. Это он сказал. Тюремщик от себя ничего не добавил. Он только помог этому слову родиться.

Такие же «гомункулы» смыслов неосознанно существовали в душе Алкивиада. Задающий вопросы Сократ ничего от себя не привносил. Вопрошая, он лишь помогал смыслу появиться на свет — высказаться. Высвобождал тождественную себе сущность из случайностей становящегося существования, решая тем самым задачу приостановки становления. Возникал круг понимания — результат замыкался на начало. Теоретически этот ход мысли промыслен в идее герменевтического круга, к примеру, у Г.-Г. Гадамера: «Целое надлежит понимать на основании отдельного, а отдельное — на основании целого. Это герменевтическое правило берёт начало в античной риторике; герменевтика Нового времени перенесла его из области ораторского искусства на искусство понимания. В обоих случаях перед нами круг. Части определяются целым и в свою очередь определяют целое: благодаря этому эксплицитно понятным становится то предвосхищение смысла, которым разумелось целое» [Гадамер Г.-Г., 1991, с. 72]. В предрассудках *предвосхищается* смысл — тот самый истинный (а поэтому единственный) смысл, который создавался истолкованием.

Аналогичным образом научное испытание природы, опосредованное конструкциями экспериментальных установок, мыслит познание истины в категориях *отображения*. Такая же установка, но уже в смысле Узнадзе, работает в сознании О. Родена, сравнивавшего ваяние скульптуры с майевтикой, отсекающей из камня всё лишнее. Изваянная скульптура, как и обнаруженный истинный смысл, — это *позитивные* ценности, представляющие то, что *есть* (бытийную определённость). Техники ваяния или вопрошания смыслом не обладают и от себя ничего не вносят. Тем более не обладают смыслом отходы, сметаемые в мусорную корзину. Поэтому в метафизической позитивистской традиции способ произведения (установка в двух означенных смыслах) и отходы относятся к сфере негативного — *небытия*.

Что уходит в мусорную корзину смыслополагания? Прежде всего, и это ясно из предшествующего рассуждения, в отход уходит *вопрошание*, уходит знание о своём незнании: тайны, проблемы, загадки, головоломки и другие освоенные культурой формы удержания *границы* между бытийно определённым существованием (приостановленном становлении) и стихией становящегося другим мира. Уходит идея *истории* как искусства — так, как её понимал ещё Геродот в связи с «расспрашиванием, узнаванием и установлением», но не обыденным, а мусическим. Как подчеркивает С. С. Неретина: «Ход истории — это ход разворачивания логоса посредством муз, т. е. мыслящих, передававших мысль поэтически...» [Неретина С. С., 2018, с. 14–15]. Любое повествование, предъявляемое в качестве исторического, неразрывно связано с поэтикой языка конкретной эпохи, лишь претендует на чистую фактичность именно постольку, поскольку, порождая определённый смысл, отбрасывает в отход все остальные возможности смыслопорождения. Эхо порождающего историю поэзиса звучит в имманентной *условности* (как если бы) — зависимости научного, исторического или художественного факта от способов их произведения.

Другой отход, связанный с первым, — это возможность иначе осмыслить поставленную проблему. Исчезает возможность множественных путей

смыслопорождения. Сократическая майевтика (как и позитивная установка), как и новоевропейская герменевтика, предполагает, что неопределённость того или иного понятия, погружённого в стихию естественного языка, в результате осмысления разрешится единственным (истинным) смыслом. Знание о своём незнании уберегает человека от гибриса (гордыни), раскрывает в знающей об особенной природе своих знаний душе *место для инакомыслия*, для иного пути смыслопорождения. Это открытое инакомыслию место хранит возможность присутствия другого¹¹, иначе ставящего вопросы и иначе в беседе раскрывающего смысл того или иного понятия. Платоновский «Сократ» закрывает эту возможность, предрасполагая мысль к неосторожным и, как показывает наша история, весьма кровопролитным практикам реализации желания единомыслия.

Но разве мысль не обязана связывать многое в единство? Мысль действительно «обобщает» — схватывает многое в так или иначе понимаемом единстве, в определённого рода целостности. Но задача усложняется, как только мы отдаём отчёт в очевидном — таких единств (идей целостности) может быть много, о чём бы мы ни размышляли. Можно ли и это множество единств (целостностей) связать в некое иного рода единство так, чтобы насильственно не обобщать в контексте своего, претендующего на единственную истинность понимания? Ответ на этот вопрос брошен выше. Необходимо сохранить место для инакомыслия в своём сознании, что естественно предполагает знание о своём незнании. Ближайшим образом необходимо мыслить целостность как открытую, незавершённую, провоцирующую попытки завершить, но ускользающую от конечных решений [Тищенко П. Д., 2022]. Необходимо удерживать в мысли *границу* между миром познанным (освоенным, одомашненным), определённым образом приостановленным в своём становлении, и непознанным, стремительно становящимся иным.

Эту границу ближайшим образом удерживает игра, играющая роль¹² «общ[его] всякого начала», где бы мысль ни начинала своё дело. «[Б]ыть первым, откуда бытие, становление или познание» [Аристотель, 1998]¹³. Её особое неуместное место «тайной свободы» человека на «развилке» «существование/действие» там, «где выбирают путь» — вступить в мир, структурированный С-логикой или П-логикой. Но тут же оказывается, что соприсутствие этих логик ни в каком смысле не может быть понято как следование или обуславливание одного другим. «[С]уществование и действие не

¹¹ И себя как другого.

¹² Игра играет роль в том смысле, что в данной фразе, репрезентируя «откуда» «бытие, становление или познание», её смысл как эмбрион заморожен, защищен условностью от возможных делений (экспликаций), *как если бы* тождественен себе. Но стоит разморозить его как спящую красавицу поцелуем вопроса «Что это такое?», возникнет семантический взрыв (именно поэтому прав Ю. М. Лотман: культура — это взрыв!). На свет появится множество смыслов, таящихся в слове, игра. Я бы узнал её в вечном возвращении (Ф. Ницше), повторе (Г.-Г. Гадамер), рефрене (С. В. Мейен) и других экспликациях смысла этого слова. Каждая из этих экспликаций останется собой до тех пор, покуда мы, проявляя осторожность, будем воздерживаться от вопрошания их смысла, т. е. удерживая в статусе *как если бы* понятных. Неслучайно, рассуждая о внутренней речи, В. В. Библихин называл её сном наяву. В этой статье рассуждения *о внушении* указывают на различные способы погружения в сон очевидности. В этом смысле игра играет роль, но её (эту роль) может сыграть и что-то другое.

¹³ Перевод В. В. Библихина.

обуславливают друг друга. Они скорее — стороны самих себя и друг друга, так что одно нельзя отделить от другого» [Смирнов А. В., Солондаев В. К., 2019, с. 38]. Их различие и связь мысль мыслит, как условность в модусе игры — *как если бы*.

Эта игра, как трава, прорастает повсюду, где почва языка освобождается от хлама готовых и очевидных смыслов. Но есть для неё, как мне представляется, привилегированное место — *сказ*. Сошлёмся ещё раз на суждение С. С. Неретиной: «Логос говорит разное: эпически и лирически, исторически и трагически, комически и молчаливо, с помощью пантомимы или танца: он словно бы знал то, что возникает спустя 25 столетий: невозможность доверять документу, который может лгать, важен кухонный говор из уха в ухо. И всё это сводится к мысли, которая мусична, музыкальна, будь то *сказ* или *танец*. Звук, который изначально значим, ведёт лад и готовит целое» (курсив мой. — П. Т.) [Неретина С. С., 2018, с. 14].

Соглашаясь со многим, уточню из своей перспективы рассуждения. Лгать можно и из уха в ухо, и в произведениях, и в документах. Но не это главное — беседа и на кухне, и за семинарским столом происходит изо рта в ухо, а не из уха в ухо. Причем рот здесь не динамик, устройство которого безразлично к содержанию сказанного. Артикуляция звуков, осуществляемая ртом, — часть параллельно идущего мимического общения (со-общения). Эти два параллельных текста образуют не синтез, а палимпсест, где сквозь текст, на который направлено наше внимание, просвечивает другой текст [Неретина С. С., 2021]. Внимание, направленное на схватывание смысла звучащих слов, вытесняет схватывание мимического сообщения на периферию, превращает из текста в контекст. Но этот стёртый из фокуса внимания текст мимического сообщения постоянно просвечивает сквозь текст артикулированных слов, интонируя его, непрямо для слушающего инфицируя своими смыслами. Сместив фокус внимания, мы воспроизводим ситуацию палимпсеста, иначе позиционируя тексты. Возникает игра, без учёта которой невозможно понять особую смыслопорождающую *энергию сказа*.

Сказ как смыслопорождающий реактор. В своём понимании сказа я следую интерпретации, сложившейся в языкознании и литературоведении (В. В. Виноградов, В. Шмид, Ю. Н. Тынянов, Б. М. Эйхенбаум и др.), но переустраиваю её. Сказ действительно присутствует в сказке, сказочности и тяготеет к стилистике устной речи. Но, обратив внимание на архаичные корни (сказочность) сказа и его тяготение к звучащему слову, мне представляется, что не обращается должное внимание на два важных обстоятельства. Во-первых, сказ шире по своему семантическому содержанию письменной и устной речи. В нём глаз и ухо различно участвуют в смыслопорождении. Во-вторых, в речи (как устной, так и письменной) соучаствует всё тело человека. Путь восполнения этих двух, как мне представляется, упущений в понимании сказа подсказывает корень «каз», равно присущий и в рассказывании, и в показывании. Общий корень указывает на архаичное основание, некоторую первичную сопряженность уха и глаза, голоса и взгляда, звука и вида, которая как рефрен звучала в прошлом и звучит сегодня. Их разлучило фонетическое письмо, обеспечившее доминирование голоса, конституировав фоноцентризм как особенность современной

культуры. Отсюда популярная в психологии и философии связь мысли с внутренней речью [Корниенко М. А., 2018].

Попробую утверждать, что в *игре* уха и глаза, опосредованной *телом*, как раз и происходит выдвигание к смыслопорождающему началу *игры* (откуда бытие, становление и познание) — «к — аз» (прошу прощения за насильственное рассечение корня) — к первому не по времени, и не по бытию, а по порождению¹⁴. Рождение человека и мира не только *было*, оно постоянно происходит, творя *то же, но иначе*. Оно постоянно совершается в сказе и через сказ.

Не отпуская поводок темы, в качестве примера обращаю внимание на то, что с первых лет советской власти коммунисты рассматривали детскую литературу как важнейший инструмент формирования нового человека — борца за идею коммунизма. «Важную роль в издании текстов для советских детей той эпохи сыграл созданный в 1924 году в составе советского Госиздата специальный Детский отдел. Его возглавили писатель Самуил Маршак и художник-график Владимир Лебедев. Оба оказали существенное влияние на развитие детской книги того времени» [Кравченко А.]. Совместная работа писателя и иллюстратора была необходима. Дело в том, что для эффективной инсталляции (внушения) в душу ребёнка коммунистической идеи необходимо было её разместить и зафиксировать (приостановить становление) в промежутке между считываемым текстом и созерцаемым изображением, между ухом и глазом в пространстве сказа. Тело при этом оказывается естественным медиумом.

Его роль не только в сообщении глаза и уха в сказе друг с другом. Она более принципиальна. Опыт немного кино раскрывает смысл телесной медиации. Зритель на экране созерцает изображения и считывает титры под музыку *тапёра*. *Тапёр интонирует* [Мухина В., 2018] взаимный перевод текста и образа, размещая его (перевод) в среде, структурированной различиями настроений, оппозициями угрозы и спасения, страдания и наслаждения, веры и отчаяния, ускорения темпа разворачивания и замедления, приостановки и т. п. Он подчёркивает *интонации* разворачивающегося действия и точки их *детонаций* — вдруг возникающих перемен. Жизнь — драйвер телесных преобразований и настройщик.

Тот же семантический обмен, интонированный телом (настроением), осуществляется в нашем созерцании именованных картин на художественной выставке и чтении иллюстрированных текстов. *То же самое, но, конечно, иначе* повторяется в храме — лики икон перекликаются с библейскими текстами в среде греховного тела, обращённого (настроенного) к Спасителю с мольбой о спасении. С. С. Аверинцев определял специфику Средневековья парадоксальным сопряжением двух несопоставимых порядков *космоса* и *истории*. Звук молитвы в душе верующего сопрягается с созерцанием лика, порядок последовательного (в принципе, уходящего в бесконечность) разворачивания смысла в звучащем или написанном слове — с

¹⁴ Вопросая о начале, Гёте, а вслед за ним А. В. Смирнов в обосновании идеи П-логики совершают промах, разыскивая это начало в прошлом (было слово, была мысль, было дело). Изначальная вопросительность звучит как рефрен, предопределяя и временные, и пространственные различия. Она работает в стихии выбора той или иной логики, предопределяя опространствление времени в С-логике или овременение пространства в П-логике.

порядком целостно выраженной (завершённой в *вот*) эстетической данности лика [Аверинцев С. С., 1975]. Рассказывание и показывание поясняют друг друга. Ухо сопрягается с глазом. Причём это сопряжение парадоксально, поскольку за каждой из форм представления стоит свой, радикально отличный от другого порядок мироустройства. Стоят различные логики. Говоря об одном, они вступают в спор друг с другом, опровергают друг друга именно тогда, когда друг друга интерпретируют. Они избыточны друг для друга. Если попытаемся поставить друг перед другом слово и образ вещи, извещающей о себе в сказе, то сразу заметим, что любому изображению можно поставить в соответствие множество имён. Если же репрезентантом возьмём имя, то и ему нетрудно поставить в соответствие множество образов. И слово, и образ, казалось бы, останавливают становление, но взятые вместе и интонированные жизнью как тапёром, они удерживают в полемосе энергию сдвига (становления), разрушают тождественность образов и имён (повествований). Поэтому и здесь мы можем говорить лишь о приостановке становления, заряженной энергией сдвига. Сказ, удерживая эту энергию, постоянно воспроизводится, традиционно передаётся от одного поколения другому.

Отмеченная традиция воспроизводится в светской культуре в обычаях иллюстрирования (экранизации) повествований и подписывания картин, именовании скульптур и т. д. В синкретизме театрального действия. В различенности научного представления между пространственностью геометрии и временными структурами исторических повествований. В дополнительности эталонных изображений анатомических атласов и нормативных теоретических описаний (типа идей гомеостаза или гомеореца) в представлении медицинской нормы. В постоянной работе удвоения, представляемого в беседах с другими и «про себя», — вокализации увиденного и визуализации услышанного, беседующими оказываются глаз с ухом в интонирующей их общении телесной среде жизни.

Мышление издавна понимается как молчаливая беседа души с самой собой. В выявленном удвоении (разложении беседы души с самой собой на «голоса») осуществляется особого рода биотехнология преобразования одной перцептуальной формы в другую перцептуальную форму (акустической в зрительную и обратно). В ней открывается опосредованная телом дословность, связывающая глаз с ухом, зрение со слухом. До-словность в том смысле, что в сказе извещающая о себе вещь — предмет речи (то, о чём она рассказывает), отслаиваясь от звука и образа (последние образуют как бы внешность слова), размещается в парадоксальной точке преобразования видимого в слышимое и обратно. В позиции «до» звучащего или написанного (визуализированного) слова — в их архаическом истоке «каза». Если традиционно в основаниях звучащей речи слышится дословность тишины, а в основаниях образа созерцается безвидное, то *помеченная выше точка преобразования выявляет основание более фундаментальное на границе тишины и безвидности — в точке гештальтного преобразования. На развилке двух разных путей смыслополагания.*

На этом уровне дословности зачинается фундаментальная метафизическая игра демаркаций на внешнее и внутреннее, выражающее и выражаемое, являющееся и прячущееся от явленности, скрывающееся где-то «внутри» явлений. Озвучивая

написанное слово или изображённый образ, мы превращаем акустическую форму во внешнее, относительно которой запись и образ будет скрытой и удерживаемой памятью «внутренностью». Прodelывая обратную процедуру (визуализируя услышанное в письме или образе), меняем местами внешнее и внутреннее. В этой перемене таится возможность игры. Мы, реализуя внутреннюю свободу человека, вновь и вновь возвращаем мысль к началу — на *развилку* путей «пространственного разворачивания целостности» и «целостности, разворачиваемой как протекание» [Смирнов А. В., Солондаев В. К., 2019].

Сказ приостанавливает становление, удерживает беседу глаза с ухом в определённых границах, нормативно размеченных культурой. Поэтому первая задача любого переустройства человека (создания нового человека) или общества заключается в переустройстве сказа, в перенастройке ритма интонаций и детонаций. Люди видят и слышат то же, что они видели и слышали вчера. Но сегодня, за счёт смены тапёра (например, священника на учёного или комиссара), эти смыслы, сохраняя прежнюю логичность рассуждений, приобретают иное содержание. То же самое станет иным.

В заключение следует признать, что решимость что-либо конкретное высказать связана с готовностью потерять из поля своего внимания иные возможности смыслопорождения. В своё время Ж. Делёз сформулировал парадоксальную задачу мысли — удержать бытие в становлении и становление в бытии. Но разрешая эту задачу, ей (мысли) приходится разложить свою речь на голоса. В этой статье звучит голос, пытавшийся осмыслить первую часть парадокса: как возможно мыслить бытие в становлении? Как возможно приостановить становление? Вторую часть парадокса необходимо будет осмыслить, учитывая тот факт, что всё, что становится другим, одновременно воспроизводится в определённой типической тождественности. Вспыхивающее в рождении и гаснущее в смерти событие жизни повторяется в мириадах других рождений и смертей, звучит рефреном похожести [Чебанов С. В., Найшуль А. В., 2015]. Однако, полагаю, что, как и в музыке или поэзии, рефрен за счёт повтора лишь сшивает фрагменты неодинакового. Только вместе, в «хоре», в созвучии этих голосов мысль удерживает сформулированный Делёзом парадокс и раскрывает для себя «тайный замысел» жизни (Гёте) в игре конкурирующих сказов.

Литература

1. Аверинцев С. С. Порядок космоса и порядок истории в мировоззрении раннего средневековья // Античность и Византия / Акад. наук СССР, Ин-т мир. лит. им. А. М. Горького; отв. ред. Л. А. Фрейберг. — М.: Наука, 1975. — С. 266–285.
2. Аристотель. Метафизика. V, 1, 1013a, 17 слл. Цит. по: Хайдеггер М. О существе основания / Пер. В. В. Бибихина // Философия: в поисках онтологии: Сборник

трудов Самарской гуманитарной академии. Вып. 5 / отв. ред. Н. Ю. Воронина. — Самара: СаГА, 1998. — С. 80.

3. Венявкин И. Чернильница хозяина: советский писатель внутри Большого террора. URL: <https://coollib.com/b/394850/read> (дата обращения: 12.02.2022).

4. Ветлесен А. Ю. Философия боли. — М.: Прогресс-Традиция, 2010. — 240 с.

5. Вико Дж. Основания новой науки о природе наций / Пер. А. А. Губера; отв. ред. М. М. Лифшиц. — Л.: Художественная литература, 1940. — 620 с.

6. Вригт Г. Х. фон. Логико-философские исследования. Избранные труды. — М.: Прогресс, 1986. — 600 с.

7. Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного. — М.: Искусство, 1991. — 367 с.

8. Гуссерль Э. Избранные работы. — М.: Территория будущего, 2005. — 464 с.

9. Дуденкова И. Начинание, рождение, действие: Августин и политическая мысль Ханны Арендт // Социологическое обозрение. — 2015. Т. 14. № 1. — С. 105–119.

10. Корниенко М. А. Природа и особенности внутренней речи: культурфилософский аспект // Вестник Томского государственного университета Культурология и искусствоведение. — 2018. № 31. — С. 81–90.

11. Кравченко А. Создание нового советского человека. Лекция 3. История русской культуры. Арзамас. URL: <https://arzamas.academy/materials/1499> (дата обращения: 18.04.2022).

12. Кузанский Н. Апология ученого незнания // Кузанский Н. Сочинения в двух томах. Т. 1. — М.: Мысль, 1979. — С. 5–32.

13. Мотрошилова Н. В. Мартин Хайдеггер и Ханна Арендт: бытие, время, любовь. — М.: Академический проект, 2013. — 542 с.

14. Мухина В. Интонации и интонирование как феномены культуры: контекст развития внешних реалий и высших психических функций // Развитие личности. — 2018. № 1. — С. 10–44.

15. Неретина С. С. Пауза созерцания. История: архаисты и новаторы. — М.: Голос, 2018. — 512 с.

16. Неретина С. С. Historia magistra vitae // Vox. Философский журнал. — 2021. № 35. — С. 101–110. URL: https://vox-journal.org/content/Vox%2035/Vox35_8_Неретина2.pdf (дата обращения: 16.03.2022).

17. Платон. Алкивиад I. Диалоги / Пер. С. Я. Шейнман-Топштейн. — М.: Мысль, 1986. — 607 с.

18. Смирнов А. В. Логика смысла: версия-2021 // Осознать смысл, осмыслить сознание: манифест Другой философии: сб. статей / отв. ред. серии Р. В. Псху; отв. ред. тома А. В. Смирнов. — М.: ООО «Садра», 2022. — С. 11–26.

19. Смирнов А. В., Солондаев В. К. Процессуальная логика. — М.: ООО «Садра», 2019. — 160 с.

20. Тищенко П. Д. Анатомический атлас и «стадия зеркала» новоевропейской культуры // Тищенко П. Д. Био-власть в эпоху биотехнологий. — М.: ИФ РАН, 2001а. — С. 116–123. URL: https://iphras.ru/uplfile/root/biblio/2001/Tishchenko_1.pdf (дата обращения: 12.09.2022).

21. Тищенко П. Д. Герменевтика научного текста // Знание. Понимание. Умение. — 2011. № 1. — С. 58–67. URL: <http://www.zpu-journal.ru/zpu/contents/2011/1/Tishchenko Knowledge/10 2011 1.pdf> (дата обращения: 19.09.2022).
22. Тищенко П. Д. Голос, рождающийся на кончике пера: философско-антропологическое рассуждение о природе интеллигенции // АРХЭ. Труды культурологического семинара. Выпуск 6 / отв. ред. И. Е. Берлянд. — М.: РГГУ, 2011. — С. 58–93.
23. Тищенко П. Д. Зрение и боль // Тищенко П. Д. Био-власть в эпоху биотехнологий. — М.: ИФ РАН, 2001б. — С. 34–35. URL: <https://iphras.ru/uplfile/root/biblio/2001/Tishchenko 1.pdf> (дата обращения: 12.09.2022).
24. Тищенко П. Д. Праздник страдания: путешествия в мир смерти в поисках истины для обретения власти // Тищенко П. Д. Био-власть в эпоху биотехнологий. — М.: ИФ РАН, 2001в. — С. 156–167. URL: <https://iphras.ru/uplfile/root/biblio/2001/Tishchenko 1.pdf> (дата обращения: 12.09.2022).
25. Тищенко П. Д. Россия 2045: Котлован для аватара // Вопросы философии. — 2014. № 8. — С. 181–187.
26. Тищенко П. Д. Человек как открытая целостность: the whole is a hole // Человек как открытая целостность: Монография / отв. ред. Л. П. Киященко, Т. А. Сидорова. — Новосибирск: Академиздат, 2022. — С. 286–294.
27. Флоренский П. А. Страх Божий // 1918 год. 27 мая. Проф. свящ. П. А. Флоренский открывает курс лекций; Очерки по философии культа. URL: <https://runivers.ru/philosophy/chronograph/473042/> (дата обращения: 12.02.2022).
28. Чебанов С. В., Найшуль А. В. Рефренность мира. Рефрен социальных институтов // Палеоботанический временник. Приложение к журналу *Lethaea rossica*. — 2015. Вып. 2. — С. 90–114.
29. Шевченко С. Ю. Концепция этоса технонауки Б. Г. Юдина и проблема технонаучной нормативности // Знание. Понимание. Умение. — 2018. № 4. — С. 62–70.
30. Шерток Л. Другие эксперименты: Внушенный ожог // Шерток Л. Непознанное в психике человека. — М.: Прогресс, 1982. URL: <https://vprosvet.ru/biblioteka/vnushennyie-ozhogi/> (дата обращения: 19.09.2022).
31. Юдин Б. Г. Технонаука и «улучшение» человека // Юдин Б. Г. Человек: выход за пределы. — М.: Прогресс-Традиция, 2018. — С. 134–144.
32. Buzzony M. The Agency Theory of Causality. Anthropomorphism, and Simultaneity. *International Studies in the Philosophy of Science*, 2014, vol. 28, no. 4, pp. 375–395. URL: <http://dx.doi.org/10.1080/02698595.2014.979668> (дата обращения: 19.09.2022).

References

1. Aristotle. *Metafizika*. V, 1, 1013a, 17 sll [Metaphysics. Book V, Chap. 1, 1013a]. Cit. by: Heidegger M. “O sushestve osnovaniya” [Vom Wesen des Grundes], trans. by V. V. Bibihin, in: *Filosofiya: v poiskah ontologii: Sbornik trudov Samarskoj gumanitarnoj*

akademii. Vyp. 5 [Philosophy: in search of ontology: Proceedings of the Samara Humanitarian Academy. Issue 5], ed. by N. YU. Voronina. Samara: SaGa, 1998, pp. 78–130. (In Russian.)

2. Averincev S. S. "Poryadok kosmosa i poryadok istorii v mirovozzrenii rannego srednevekovya" [The order of space and the order of history in the worldview of the early Middle Ages], in: *Antichnost i Vizantiya* [Antiquity and Byzantium], ed. by L. A. Freiberg. Moscow: Nauka, 1975, pp. 266–285. (In Russian.)

3. Buzzony M. The Agency Theory of Causality. Anthropomorphism, and Simultaneity. *International Studies in the Philosophy of Science*, 2014, vol. 28, no. 4, pp. 375–395. URL: [<http://dx.doi.org/10.1080/02698595.2014.979668>, accessed on 12.11.2022].

4. Chebanov S. V., Najshul A. V. *Refrennost mira. Refren socialnyh institutov* [The refrain of the world. The Refrain of Social Institutions]. *Paleobotanicheskij vremennik. Prilozhenie k zhurnalu "Lethaea rossica"*, 2015, no. 2, pp. 90–114. (In Russian.)

5. Cusanus N. "Apologiya uchenogo neznaniya" [The Apology of Scientific Ignorance], in: Cusanus N. *Sochineniya v dvuh tomah* [Works in two volumes], Vol. 1. Moscow: Mysl', 1979, pp. 5–32. (In Russian.)

6. Dudenkova I. *Nachinanie, rozhdenie, dejstvie: Avgustin i politicheskaya mysl Hanny Arendt* [Beginning, Birth, and Action: Augustine and the Political Thought of Hannah Arendt]. *Russian sociological review*, 2015, vol. 14, no. 1, pp. 105–119. (In Russian.)

7. Florensky P. A. "Strah Bozhij" [Fear of God], in: *1918 god. 27 maya Prof. svyash. P. A. Florenskij otkryvaet kurs lekcij; Ocherki po filosofii kulta* [1918. May 27 Prof. P. A. Florensky opens a course of lectures; Essays on the Philosophy of Worship]. URL: [<https://runivers.ru/philosophy/chronograph/473042/>, accessed on 12.11.2022]. (In Russian.)

8. Gadamer H.-G. *Aktalnost prekrasnogo* [The relevance of beauty]. Moscow: Iskusstvo, 1991. 367 p. (In Russian.)

9. Husserl E. *Izbrannye raboty* [Selected Works]. Moscow: Territoriya budushego, 2005. 464 p. (In Russian.)

10. Kornienko M. A. *Priroda i osobennosti vnutrennej rechi: kulturfilosofskij aspekt* [The Nature and Peculiarities of Internal Speech: A Cultural and Philosophical Perspective]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta Kulturologiya i iskusstvovedenie*, 2018, no. 31, pp. 81–90. (In Russian.)

11. Kravchenko A. *Sozdanie novogo sovetskogo cheloveka. Lekciya 3. Istoriya russkoj kultury. Arzamas* [The creation of the new Soviet Human. Lecture 3. The history of Russian culture. Arzamas]. URL: [<https://arzamas.academy/materials/1499>, accessed on 19.11.2022]. (In Russian.)

12. Motroshilova N. V. *Martin Hajdegger i Hanna Arendt: bytie, vremya, lyubov* [Martin Heidegger and Hannah Arendt: Being, Time, Love]. Moscow: Akademicheskij proekt, 2013. 542 p. (In Russian.)

13. Muhina V. *Intonacii i intonirovanie kak fenomeny kultury: kontekst razvitiya vneshnih realij i vysshih psichicheskikh funkcij* [Intonation and intonation as cultural phenomena: the context of the development of external realities and higher mental functions]. *Razvitie lichnosti*, 2018, no. 1, pp. 10–44. (In Russian.)

14. Neretina S. *Historia magistra vitae* [Historia magistra vitae]. Vox. Philosophical journal, 2021, no. 35, pp. 101–110. URL: [https://vox-journal.org/content/Vox%2035/Vox35_8_Neretina2.pdf, accessed on 19.01.2023]. (In Russian.)
15. Neretina S. *Pauza sozercaniya. Istoriya: arhaisty i novatory* [Pause of contemplation. History: archaists and innovators]. Moscow: Golos, 2018. 512 p. (In Russian.)
16. Plato. *Alkiviad I. Dialogi* [Alcibiades I / Dialogues], trans. by S. Ya. Shejnman-Topshtejn. Moscow: Mysl', 1986. 607 p. (In Russian.)
17. Shertok L. *Nepoznannoe v psihike cheloveka. Vnushennyj ozhog* [The unknowable in the human psyche. The Insinuated Burn]. URL: [<https://vprosvet.ru/biblioteka/vnushennyie-ozhogi/>, accessed on 12.11.2022]. (In Russian.)
18. Shevchenko S. Yu. *Koncepciya etosa tehnonauki B. G. Yudina i problema tehnonauchnoj normativnosti* [B. G. Yudin's Concept of the Ethos of Technoscience. G. Yudin and the Problem of Technoscientific Normativity]. Znanie. Ponimanie. Umenie, 2018, no. 4, pp. 62–70. (In Russian.)
19. Smirnov A. V. "Logika smysla: Versiya-2021" [The Logic of Meaning: Version 2021], in: *Osoznat smysl, osmyslit soznanie: manifest Drugoj filosofii: sb. statej* [Making sense, making sense of consciousness: a manifesto of another philosophy: digest of articles], series ed. R. V. Pshu; volume ed. A. V. Smirnov. Moscow: OOO «Sadra», 2022, pp. 11–26. (In Russian.)
20. Smirnov A. V., Solondaev V. K. *Processualnaya logika* [Procedural logic]. Moscow: OOO «Sadra», 2019. 160 p. (In Russian.)
21. Tishenko P. D. "Anatomicheskij atlas i «stadiya zerkala» novoevropejskoj kultury" [Anatomical atlas and the "mirror stage" of New European culture], in: Tishenko P. D. *Bio-vlast v epohu biotekhnologij* [Bio-power in the age of biotechnology]. Moscow: IF RAN, 2001, pp. 116–123. URL: [https://iphras.ru/uplfile/root/biblio/2001/Tishchenko_1.pdf, accessed on 18.12.2022]. (In Russian.)
22. Tishenko P. D. "Chelovek kak otkrytaya celostnost: the whole is a hole" [Human being as an open integrity: the whole is a hole], in: *Chelovek kak otkrytaya celostnost: Monografiya* [Human being as an open integrity: Monograph], ed. by L. P. Kiyashchenko, T. A. Sidorova. Novosibirsk: Akademizdat, 2022, pp. 286–294. (In Russian.)
23. Tishenko P. D. "Golos, rozhdayushij na konchike pera: filosofsko-antropologicheskoe rassuzhdenie o prirode intelligencii" [A Voice Emerging at the Tip of the Pen: A Philosophical and Anthropological Discourse on the Nature of Intelligentsia], in: ARHE. Trudy kulturo-logicheskogo seminar. Vypusk 6 [ARCHE. Proceedings of the cultural-logical seminar. Release 6], ed. by I. E. Berlyand. Moscow: RGGU, 2011, pp. 58–93. (In Russian.)
24. Tishenko P. D. "Prazdnik stradaniya: puteshestviya v mir smerti v poiskah istiny dlya obreteniya vlasti" [A Celebration of Suffering: Journeys into the World of Death in Search of Truth for Power], in: Tishenko P. D. *Bio-vlast v epohu biotekhnologij* [Bio-power in the age of biotechnology]. Moscow: IF RAN, 2001, pp. 156–167. URL: [https://iphras.ru/uplfile/root/biblio/2001/Tishchenko_1.pdf, accessed on 18.12.2022]. (In Russian.)
25. Tishenko P. D. "Zrenie i bol" [Sight and pain], in: Tishenko P. D. *Bio-vlast v epohu biotekhnologij* [Bio-power in the age of biotechnology]. Moscow: IF RAN, 2001, pp. 34–35. URL:

[https://iphras.ru/uplfile/root/biblio/2001/Tishchenko_1.pdf, accessed on 18.12.2022]. (In Russian.)

26. Tishenko P. D. *Germenevtika nauchnogo teksta* [Hermeneutics of scientific text]. Znanie. Ponimanie. Umenie, 2011, no. 1, pp. 58–67. URL: [http://www.zpu-journal.ru/zpu/contents/2011/1/Tishchenko_Knowledge/10_2011_1.pdf, accessed on 12.11.2022]. (In Russian.)

27. Tishenko P. D. *Rossiia 2045: Kotlovan dlya avatara* [Russia 2045: The Pit for Avatar]. Voprosy filosofii, 2014, no. 8, pp. 181–187. (In Russian.)

28. Venyavkin I. *Chernilnica hozyaina: sovetskij pisatel vnutri Bolshogo terrora* [The Master's Inkwell: A Soviet Writer Inside the Great Terror]. URL: [<https://coollib.com/b/394850/read>, accessed on 12.11.2022]. (In Russian.)

29. Vetseler A. Yu. *Filosofiia boli* [Philosophy of Pain]. Moscow: Progress-Tradiciya, 2010. 240 p. (In Russian.)

30. Vico G. *Osnovaniya novoj nauki o prirode nacij* [The Foundations of a New Science of the Nature of Nations], trans. by A. A. Guber; ed. by M. M. Lifshic. Leningrad: Hudozhestvennaya literature, 1940. 620 p. (In Russian.)

31. Wright G. H. von. *Logiko-filosofskie issledovaniya. Izbrannye trudy* [Logico-Philosophical Studies. Selected Works]. Moscow: Progress, 1986. 600 p. (In Russian.)

32. Yudin B. G. "Tekhnouka i «uluchshenie» cheloveka" [Technoscience and the "improvement" of man], in: B. G. Yudin, *Chelovek: vyhod za predely* [Man: Going Beyond]. Moscow: Progress-Tradiciya, 2018, pp. 134–144. (In Russian.)

The Philosophy of the Storytelling (Skaza) and the Problem of Human's Rearrangement of Thyself

Tishchenko P. D.,

Chief Researcher, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences,
Doctor of Philosophy,
p.tishchenko@list.ru

Abstract: The problem is discussed: how is it possible to think the reorganization of human him/her self, his / her social and bodily life? At the heart of the problem is the paradox formulated by G. Deleuze: the necessity of thought to think in itself and the object of its reflection, becoming in being and being in becoming. This article focuses on the second part of the paradox, discussing the possibility of thinking about stability and order in a world that is permanently becoming different. The first part of the paradox is discussed somatically. The reason that provokes the desire to reshape individuals and human communities is the mismatch between the present and the proper state, which is a historically specific construction of the normative state. A kind of indoctrination of pain (suffering) takes place. The state of the culture-inspired burn.

Renewed in each new generation projects of rearrangement of life are interpreted as attempts to escape from the paradoxical situation of the moment (world) of consciousness into dogmatically conceived phantom constructions of a bright future or a golden age of the past. The role of Socratic mayeutics in the formation of a metaphysical positive attitude of consciousness, which displaces the sense-forming energy of questioning into the unconscious, is noted. The role of questioning game as a logical choice of substantive logic or process logic (C-logic or P-logic according to A. V. Smirnov) is discussed.

Thinking as a meaning-generating game lives in the story that mediates the exchange of meanings between telling and showing, between the ear and the eye, between temporal and spatial forms of representation. The intonation medium of the meaning-generating exchange is life embodied in human flesh.

Keywords: rearrangement of life, storytelling, power, body, eye, ear, substantive logic, procedural logic, storytelling, showing, intonation.